

Г. Дьяченко

Изъ области таинственного

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г. Дьяченко**
Изъ области таинственнаго / Г. Дьяченко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 784 с.

ISBN 978-5-458-26267-5

Мы убеждены, что все, кто интересуется природою и свойствами души человека, у кого не заглохъ вкусъ ко всему духовному, полному неотразимаго интереса, (а такихъ громадное большинство читателей), заинтересуется нашей книгою. Прот. Г. Дьяченко.

ISBN 978-5-458-26267-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Любовь къ челоѣчеству, продолжаетъ онъ нѣсколько далѣе, даже совѣтъ немислима, непонятна и совѣтъ невозможна безъ совѣтливой вѣры въ безсмертіе души челоѣческой... Самоубійство при потерѣ идеи о безсмертіи становится совершенною и неизбѣжною даже необходимою для всякаго челоѣка, чуть-чуть поднившася въ своемъ развитіи надъ скотами. Напротивъ, безсмертіе, общая вѣчную жизнь, тѣмъ крѣпче связываетъ челоѣка съ землей. Тутъ, казалось бы, даже противорѣчіе: если жизни такъ много, т. е., кромѣ земной, и безсмертная, то для чего бы такъ дорожить земною-то жизнью? А выходитъ именно напротивъ, ибо только съ вѣрою въ свое безсмертіе челоѣкъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ... Словомъ, идея о безсмертіи, это — сама жизнь, живая жизнь, ея окончательная формула и главный источникъ истины и правильнаго сознанія для челоѣчества» («Дневникъ писателя», 1876 г., стр. 319 и далѣе).

При признаніи фактовъ бытія души и загробной жизни большинство нападокъ на религію, основанныхъ якобы на невѣроятности ея фактовъ, теряетъ свою силу. Вѣра не будетъ болѣе поколеблена усиліемъ челоѣческаго ума постичь, какъ жизнь можетъ продолжаться и въ невидимомъ мірѣ, мысль о смерти не будетъ такъ ужасна. Чудеса поваго и ветхаго завѣта не будутъ намъ казаться остатками суевѣрныхъ преданій некультурнаго вѣка. Выиграли бы также и тѣ, кто смотритъ на психическіе феномены исключительно съ научной точки зрѣнія: легче было бы найти отвѣты на многіе, неподдающіеся разрѣшенію научные вопросы, открылись бы новыя области для плодотворныхъ опытныхъ изысканій; философія и психологія получили бы болѣе здоровое и цѣлесообразное направленіе. Болѣе того, результаты изслѣдованій вселили бы въ насъ непоколебимую увѣренность въ солидарности всего челоѣчества и въ громадномъ значеніи для насъ невидимаго міра.

Потомъ: вѣра въ бытіе души челоѣка, въ его посмертное существованіе, въ страшный судъ Христовъ и вѣчную жизнь съ ея невыразимымъ блаженствомъ для праведныхъ и жестокими муками для нераскаянныхъ грѣшниковъ, такая вѣра безусловно необходима для поднятія упавшихъ въ наше печальное время нравственныхъ идеаловъ, — время, въ которое многіе гонятся лишь за чувственными удовольствіями, не разбирая средствъ для удовлетворенія имъ, причемъ злорѣчіе, осужденіе, шантажъ, клевета, воровство, обманъ всякаго рода, предательство и даже убійство допускаются весьма часто.

Далѣе, только тамъ, гдѣ нѣтъ твердой вѣры въ Бога и духовный міръ, горячей любви, широкаго знанія, — только тамъ можетъ родиться и найти себѣ послѣдователей такое вопіющее дикое ученіе, какъ анархизмъ. Нечего доказывать, что,

если бы челоѣчество больше работало въ направленіи познанія сущности духа, выиграло бы дѣло братства и любви... Вѣроятно, гонители всякихъ «отсталыхъ» мистическихъ наукъ, подъ которыми они разумѣютъ ученіе о душѣ, оцѣли жизни, о сомнамбулизмѣ, телепатіи, гипнотизмѣ, вѣщихъ снахъ и т. д., очень удивятся, если мы скажемъ, что они-то, эти отрицатели всего таинственнаго и духовнаго, служатъ тормазомъ для челоѣческой мысли и духа... Челоѣчество, если оно хочетъ избавиться отъ такихъ ужасныхъ призраковъ, какъ анархизмъ, какъ разложеніе семейной жизни, какъ страшная порча нравовъ, какъ гибельное пьянство, какъ издѣвательство надъ нравственными идеалами, какъ оскудѣніе вѣры, любви и надежды христіанской, какъ мрачный ужасный пессимизмъ нашихъ дней, — должно всѣми путями, всѣми средствами стремиться къ гармоническому духовному прогрессу. Прогрессъ же этотъ будетъ не полонъ безъ трудовъ психолого-богослововъ. Уважать челоѣка можно лишь вѣра въ его духовно-нравственную природу. Если эта вѣра, подкрѣпленная фактами, будетъ тверда, то сами собою сдѣлаются невозможными убійство, насиліе, племенная или сословная вражда и т. д... У нѣкоторыхъ изъ насъ не только нѣтъ вѣры въ духовную природу, но и нѣтъ терпимости къ людямъ, пытающимся познать духовную природу. Челоѣчество какъ бы боится подойти къ той области, которую одинъ писатель (Оуэнъ) назвалъ «спорною между двумя мірами». Не можетъ быть свѣта, когда господствуютъ матеріалистическіе принципы и стремленія; не можетъ быть гуманизма, братства, когда о душѣ думаютъ столько же, сколько о прошлагоднемъ снѣгѣ... Нельзя жить только земнымъ, только матеріальнымъ. Стремленіе забыть о томъ, что кромѣ золота, пьянства, разврата, мишуры, пустыхъ забавъ есть еще иной міръ, болѣе высокій и совершенный, есть стремленіе къ мраку, къ застою, къ смерти. Нельзя дрожать только за одно свое матеріальное благосостояніе: это — эгоистическая, жалкая, животная дрожь. Надобно дрожать за челоѣческое достоинство, которое теперь, именно теперь, въ концѣ вѣка, поругано и оскорблено дикими матеріалистами, фарисеями, скотоподобными эпикурейцами, челоѣконенавистниками. Надобно дрожать за чистоту духа, которая омрачена малодушіемъ, предательствомъ, эгоизмомъ, свѣтобоязною, торжествомъ грязныхъ, темныхъ инстинктовъ. Анархизмъ отвратителенъ, но не потому только, что онъ стремится разрушить нашъ кровъ, отнять наше достоиніе, истребить огнемъ и мечомъ челоѣческую жизнь и все то, что служитъ ей, а потому, что онъ является олицетвореніемъ крайняго преобладанія матеріи надъ духомъ, оборотной стороной истиннаго прогресса, истадіемъ всего дурнаго, что таится въ челоѣческой природѣ — послѣднимъ словомъ матеріализма и невѣрія въ духовную природу. Только этотъ міръ, только тѣло, только земля признаются

имъ. Отсюда — насилие, убійство, разрушеніе... Нельзя же смотрѣть на цѣлое движеніе, на громадный трудъ пионеровъ въ психической и богословской области, какъ на произвольныя движенія и галлюцинаціи загипнотизированныхъ. Не принимайте ихъ словъ на вѣру, но выслушайте ихъ и провѣрьте потомъ, потому что, если замолчать эти немногіе, то кому же останется говорить? Не тѣмъ ли, для которыхъ «жизнь не болѣе, какъ веселое приключеніе», а утроба—все, на чемъ міръ стоять?

Вѣра въ безсмертіе души человѣка, вѣра въ посмертное существованіе его за гробомъ, утвержденная не авторитетными только свидѣтельствами Божественнаго откровенія и голосомъ всей христіанской церкви, имѣющими силу убѣдительности только для вѣрующихъ и тѣхъ, кто не зараженъ сомнѣніемъ невѣрія, — не апіорными только соображеніями, но доказываемая, такъ сказать, путемъ опытныхъ данныхъ психологіи и историческихъ явленій душъ умершихъ людей, такая вѣра можетъ устоять противъ всѣхъ нападокъ невѣрія и пессимизма и придать высшій идеальный смыслъ нашей скорбной жизни, гдѣ всѣ апіорные доводы въ пользу продолженія существованія нашей личности по смерти не могутъ итти въ сущности далѣе того, что показываютъ мыслимость, даже вѣроятность этого существованія, и ослабляютъ противоположаемые этимъ доводамъ сомнѣнія. Само по себѣ это важно и имѣетъ значеніе, но недостаточно; здѣсь, какъ и вообще во всякомъ фактическомъ вопросѣ, желательны доказательства, основанныя на *фактахъ*, на твердо установленной, неоспоримой *реальности*. Только такимъ образомъ упомянутая возможность восходить на степень несомнѣнной *дѣйствительности*. Если бы такія фактическія доказательства были найдены, и упомянутая дѣйствительность вполне доказана сообразно съ логическими началами опытного естествознанія, то это было бы такимъ результатомъ, съ которымъ *по внутренней силѣ и значенію не сравнися бы ни одинъ изъ встрѣчающихся во всей исторіи цивилизаціи*. Старинный вопросъ о назначеніи человѣка былъ бы такимъ образомъ положительно рѣшенъ, и все сознаніе человѣчества стало бы ступенью выше. *Человѣкъ зналъ бы то, что открывалось ему до сихъ поръ лишь въ области вѣрованія, предчувствій и теплыхъ надеждъ, — онъ зналъ бы, что онъ членъ вѣчнаго духовнаго міра, въ которомъ будетъ продолжаться его жизнь, — что временное существованіе его на землѣ составляетъ лишь дробную часть будущей вѣчной жизни, — что ему только тамъ сдѣлается вполне доступно пониманіе его назначенія*. Приобрѣтя это глубокое убѣжденіе, человѣчество прониклось бы совершенно новымъ, воодушевляющимъ пониманіемъ своей жизни, идеализмомъ, сильными фактами. Это равнялось бы полной переработкѣ человѣка по отношенію къ его сущности и дѣятельности, было бы

нравственнымъ и умственнымъ просвѣтленіемъ. Тотъ, кто потерялъ *внутреннюю увѣренность въ своемъ вѣчномъ назначеніи, встрю въ вѣчную жизнь*, будетъ ли то отдѣльная личность, цѣлый народъ или извѣстная эпоха, и того *вырванъ съ корнемъ источникъ всякой воодушевляющей силы, способности къ самопожертвованію, къ цивилизаціи*. Онъ дѣлается тѣмъ, чѣмъ и долженъ тогда быть, эгоистическимъ, чувственнымъ существомъ, погруженнымъ единственно въ заботы самосохраненія. Его культура, его просвѣщеніе имѣютъ тогда цѣлію лишь служить на помощь и украшеніе чувственной жизни или, по крайней мѣрѣ, устранять то, что можетъ вредить ей.

Старинное изреченіе, давно сдѣлавшееся тривиальнымъ: «*memento mori*», превращается въ новое, болѣе серьезное — «*memento vivere*», т.-е.: помни, что ты навѣрное будешь жить, но твое будущее состояніе прямо опредѣляется общимъ результатомъ здѣшней жизни, каковъ бы онъ ни былъ — радостенъ для тебя или нѣтъ. Этотъ выводъ въ области психизма не маловаженъ, особенно въ такое время, которое издавна привыкло вычеркивать заботу о будущемъ мірѣ изъ списка своихъ повседневныхъ интересовъ... Тотъ, кто свободно, научнымъ путемъ донелъ до положительныхъ убѣжденій относительно этой высшей проблемы жизни, не имѣетъ права молчать въ такомъ важномъ вопросѣ и въ виду настоятельной потребности его разрѣшенія.

II. Сказавъ о необходимости и важности изученія свойствъ и явленій душевной жизни человѣка, мы должны теперь осведомить читателя, что настоящая наша книга не представляетъ строго-научной работы въ области опытной психологіи и не излагаетъ научнымъ, отвлеченнымъ языкомъ законовъ и явленій жизни человеческого духа. Мы задались болѣе скромною задачею — представить систематическій сводъ тѣхъ фактовъ и явленій изъ области, такъ называемой, экспериментальной (опытной) психологіи, которые въ послѣднее время подробно изучены, достаточно провѣрены и сдѣлались извѣстными большаинству образованныхъ читателей Германіи, Франціи и, особенно, Англій. Въ нашемъ отечествѣ эти факты и явленія душевной жизни, полные самаго живого интереса, неотразимо разбивающіе матеріалистическія воззрѣнія на духовно-нравственную жизнь человѣка, весьма мало извѣстны и то благодаря только немногимъ переводнымъ трудамъ (напр., «Физиологія ума» — Карпентера, «Опытной психологіи» Гевдинга, «Душѣ и тѣлу», соч. Г. Ульрици, «Философіи мистики» — Дю-Прея, «Теленативескимъ явленіямъ или прижизненнымъ призракамъ» — Гёрнея, Подмора и Майерса и нѣк. др.), многимъ прекраснымъ статьямъ А. Аксакова, частію печатавшимся въ журналѣ «Ребусъ», гдѣ помѣщено весьма много цѣнныхъ работъ по психизму, частію изданнымъ отдѣльно, и труду про-

фессора Московскаго Университета М. Погодина¹⁾), издавшаго лѣтъ 30 тому назадъ книгу подъ названіемъ: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ», которая въ настоящее время, въ виду сдѣланныхъ новыхъ наблюденій и открытій въ области экспериментальной психологіи, оказывается весьма неполною и во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительною. Восполнить существующій пробѣлъ въ этомъ отношеніи и доставить читателю доступную для его пониманія книгу, состоящую преимущественно изъ полныхъ глубокаго и живого интереса рассказовъ о душевной жизни человѣка, расположенныхъ въ извѣстной системѣ и снабженныхъ необходимыми пояснительными примѣчаніями и статьями, — было нашей задачею.

Вся наша книга состоитъ изъ трехъ частей и одного приложенія.

Въ первой части изложены рассказы съ необходимыми къ нимъ поясненіями, знакомящіе съ свойствами и явленіями душевной жизни человѣка въ бодрственномъ состояніи. Здѣсь читатель ознакомится съ способностью нѣкоторыхъ душъ предвидѣть ближайшее будущее (предчувствія) и даже отдаленное (второе зрѣніе), созерцать всю протекающую жизнь въ краткое время—въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, видѣть себя, слышать голоса и созерцать образъ близкихъ или родныхъ лицъ на дальнемъ разстояніи (телепатія), непосредственно знать то, что происходитъ вдали въ данное время, воспринимать и слышать внутренней голосъ, — съ способностью воли дѣйствовать на разстояніи, угадывать чужія мысли (чтеніе мыслей), чрезъ непосредственное или посредственное прикосновеніе оказывать цѣлительное дѣйствіе на нѣкоторыхъ больныхъ (животный магнетизмъ), припоминать вдругъ весьма давнія событія (скрытая память), оказывать весьма сильное вліяніе духа на тѣло и именно чрезъ вліяніе сознанія на тѣлесную природу человѣка, чрезъ вліяніе воли на ощущенія, чрезъ вліяніе различныхъ состояній духа (эмоцій) на болѣзненные процессы въ тѣлѣ.

Во второй части сгруппированы рассказы, знакомящіе съ явленіями душевной жизни въ обыкновенномъ и глубокомъ снѣ.

Въ частности здѣсь рѣчь идетъ о сновидѣніяхъ, объ усиленіи памяти во снѣ, о скрытой умственной дѣятельности во время сна, о драматическомъ раздвоеніи сознанія во снѣ, о вѣщихъ снахъ, о явленіяхъ сомнамбулизма (ясновидѣнія), гипнотизма, и т. п. таинственныхъ явленіяхъ душевной жизни человѣка.

Въ третьей части помѣщены частію рассказы, частію статьи о явленіяхъ душевной жизни человѣка послѣ его тѣлесной смерти, удостоверяющіе въ бытіи загробной жизни и посмертномъ существованіи человѣческой личности.

¹⁾ Мы не забываемъ также и прекрасныхъ работъ проф. бог. Нѣжинскаго лицея, свящ. о. Свѣтлова, и нѣк. другихъ авторовъ.

Въ частности здѣсь говорится о таинственныхъ предзнаменованіяхъ кончины людей, о явленіяхъ душъ умершихъ людей, о смерти, о воскресеніи мертвыхъ, о жизни будущаго вѣка, о спасеніи души и т. п. Назначеніе этого отдѣла привести читателя къ признанію того свойства души человѣческой, по которому она называется бессмертною.

Въ приложеніи къ книгѣ мы помѣстили рассказы, свидѣтельствующіе о бытіи Божіемъ, о бытіи и свойствахъ силъ безплотныхъ—ангеловъ и демоновъ. Не трудно замѣтить тѣсное отношеніе этого приложенія къ нашей книгѣ: признаніе существованія души, какъ самостоятельной духовной сущности, ведетъ къ признанію и силъ безплотныхъ, источника духовной жизни Бога, равно какъ и убѣжденіе въ бытіи Бога и безплотныхъ силъ приведетъ къ признанію той истины, что у человѣка есть разумная, свободная и бессмертная душа, назначенная къ вѣчной жизни.

Если, по прочтеніи настоящей книги, одни читатели укрѣпятъ и оживятъ свою вѣру въ бытіе души и духовнаго міра вообще, другіе отъ равнодушія, маловѣрія или невѣрія придутъ къ признанію истины существованія этого міра и пробудятся отъ грѣховнаго и опаснаго духовнаго сна, то составитель, прося у тѣхъ и другихъ за себя, многогрѣшнаго, св. молитвъ, будетъ несказанно обрадованъ радостію духовною и трудъ свой сочтетъ за достигнувшій своей цѣли.

Здѣсь еще разъ мы должны повторять, что нѣтъ въ мірѣ другого знанія болѣе необходимаго и болѣе важнаго, чѣмъ знаніе законовъ жизни и свойствъ души. Отъ незнанія основъ душевной жизни человѣка, отъ забвенія о свойствахъ души и ея высокомъ назначеніи, отъ отрицанія бытія души можно всецѣло извратить и испортить свою временную и погубить вѣчную жизнь. Слово Божіе учитъ насъ, что нѣтъ большей заботы въ мірѣ для человѣка, какъ забота о вѣчномъ спасеніи души. Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ, что, если бы человѣкъ приобрѣлъ и весь міръ со всеми его сокровищами, но погубилъ бы душу свою, то онъ не сдѣлалъ бы для себя никакого приобрѣтенія, никакой пользы. Такъ драгоценна, по суду Божію, одна человѣческая душа! Какъ же не стараться узнать ея богоподобную природу, ея свойства и способности, ея потребности, ея назначеніе? Нѣкогда, въ вѣчности, мы глубоко, но бесплодно будемъ жалѣть, что были невнимательны въ продолженіе временной жизни къ внутренней своей природѣ. Здѣсь мы приведемъ прекрасныя слова одного ученаго, предостерегающія отъ такого поздняго сожалѣнія.

«Слово, призывающее къ самопознанію, — говоритъ онъ, — равносильно съ зовомъ, которымъ дитя, бѣгающее по цвѣтистому лугу и гонящееся за мотылькомъ, призываетъ домой.

«Нѣтъ, рано еще домой! отвѣчаетъ дитя на призывный голосъ и убѣгаетъ все далѣе по рос-

кошнымъ коврамъ весны. Но вотъ весну смѣняетъ лѣто, за лѣтомъ слѣдуетъ осень, зима; проходитъ годъ, другой; минули десятилѣтія, — и дитя въ пріятномъ самозабвеніи, переходя отъ однихъ заботъ къ другимъ, достигаетъ уже зрѣлаго возраста.

«Воротиться бы домой! Но нѣтъ, прекрасенъ свѣтъ со всѣмъ его обаяніями, надеждами и удовольствіями! Куда ни посмотри, вездѣ, вблизи и вдали, какъ будто волшебныя рисуются картины блаженства и манять къ наслажденію.

«Не уходитъ человѣкъ съ площади, пока стоитъ прекрасная погода, пока ясно свѣтитъ солнце и до ночного мрака еще далеко. Но вотъ земной свѣтильникъ меркнетъ, тьма скрываетъ изъ глазъ всѣ формы вещей, доставлявшихъ ему удовольствіе, сырость вечерняго воздуха начинаетъ проникать его тѣло, — и онъ спѣшитъ подъ кровъ своей хижины. Увы, уже поздно! Въ ней нѣтъ ни свѣта, ни теплоты, въ ней мракъ ужаснѣе того, отъ котораго онъ ушелъ, и холодъ въ ней — холодъ могильный. Почему было, думаетъ онъ, не возвратиться мнѣ сюда ранѣе, чтобы освѣтить и обогрѣть свою хижину? Теперь я не страшился бы мрачной и холодной ночи и уснулъ бы спокойно, съ надеждою, что завтра встану здоровъ и веселъ.

Такова пора смерти!

«И если въ продолженіе жизни мы, по невнимательности ко внутренней своей природѣ, не прояснили для себя тѣхъ благотворныхъ ея началъ, которыя не знаютъ смерти и не подлежатъ ея законамъ, то это обращеніе наше безконечно-ужаснѣе, нежели шестіе преступника на смертную казнь» (см. статью проф. Карпова «О самопознаніи», при сочин. Дж. Мессона о томъ же, стр. 199—200).

III. Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ возраженій, которыя могутъ быть противъ задачи и характера нашего труда, гдѣ говорится о гипнотизмѣ, сомнамбулизмѣ, ясновидѣніи, теленатіи, вѣщихъ снахъ, явленіи умершихъ и т. п. предметахъ, доказывающихъ бытіе и духовность души, надъ которыми, однако же, есть много охотниковъ глумиться, какъ надъ вещами невозможными.

Насъ могутъ, безъ сомнѣнія, нѣкоторые упрекать, что наша книга посвящена такимъ вопросамъ, которыми не слѣдуетъ-де заниматься русскимъ богословамъ, какъ такими, которые-де отличаются характеромъ «суетвѣрія» и «мистицизма...»

Враждебное отношеніе «просвѣщенныхъ» противниковъ къ нѣкоторымъ новымъ фактамъ, доказывающимъ бытіе духовнаго міра, хорошо извѣстно: стоить припомнить исторію развитія человѣческой мысли, чтобы убѣдиться, что всѣ великія и важныя истины должны были пройти черезъ горнило испытаній, которымъ ихъ подвергали приверженцы ходячаго міровоззрѣнія, не способные отрѣшиться отъ рутиннаго отношенія

къ окружающему міру и ориентироваться среди новыхъ явленій, не укладывающихся въ заранее составленные, по однажды зазубреннымъ учебникамъ, рамки.

Всякая непопулярная истина, обыкновенно, сначала едва удостоивается вниманія; затѣмъ, когда среди прогрессивно умножающихся поборниковъ ея уже начинаютъ встрѣчаться выдающіеся представители культурнаго человѣчества, и права ея въ общественномъ мнѣніи, такимъ образомъ, значительно расширяются — противники ея переходятъ тогда изъ состоянія пассивнаго — презрительнаго или снисходительнаго игнорированія, въ активное, выражающееся или въ озлобленныхъ нападкахъ, или въ беззастѣнчивыхъ глумленіяхъ, или же въ апіорныхъ отрицаніяхъ. Потомъ, благодаря постоянно увеличивающемуся числу перебѣжчиковъ изъ лагеря противниковъ въ лагерь приверженцевъ новой истины, торжество ея все болѣе и болѣе растетъ и, наконецъ, завершается окончательной побѣдой.

За примѣромъ ходить недалеко; мы еще не успѣли очнуться отъ недавняго весьма назидательнаго факта признанія наукой права гражданства за гипнотизмомъ. Подъ именемъ животнаго магнетизма, или месмеризма, въ продолженіе цѣлаго столѣтія онъ клеймился позорнымъ именемъ шарлатанства; но, наконецъ, по выраженію А. Н. Аксакова, гордые оплоты научнаго *ignominus*'а прорвались, и наука вынуждена была растворить ему двери и усыновить своего отъ вѣка законнаго сына.

Такъ называемыя мистическія науки подверглись такой же участи. Присяжные ученые, а за ними и періодическая пресса, въ угоду имъ и духу времени, пускали въ ходъ все, чтобы предать ostracismу ненавистную истину; но побѣдоносный ходъ фактовъ дѣлаетъ — таки свое дѣло, и таинственные явленія въ области психизма все настойчивѣе и настойчивѣе предъявляютъ свои законныя права предъ лицомъ официальной науки. И вотъ, среди жрецовъ ея, горделиво игнорировавшихъ всѣ явленія названной области, или если и удостоивавшихъ ихъ своего вниманія, то лишь для того, чтобы презрительно обозвать мистическими бреднями большого ума, плодомъ разстроенаго воображенія, — среди этихъ-то жрецовъ представляется нынѣ такая картина: одни изъ нихъ, между которыми встрѣчаются имена, пользующіяся даже всеобщимъ извѣстностью¹⁾, съ честнымъ мужествомъ открыто об-

¹⁾ Вотъ имена нѣкоторыхъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ фактовъ мистическаго характера, напр., гипнотизма, сомнамбулизма, теленатіи и проч.

Въ Америкѣ: проф. химіи въ Пенсильванскомъ университетѣ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ Робертъ Геръ, проф. Національной академіи Менъ, проф. Гарвардскаго университета Уильямъ Джемсъ.

Въ Англии: извѣстный химикъ и физикъ Крукъ, знаменитый натуралистъ Уоллесъ, физикъ Варлей, профессоръ анатоміи и фізіологіи Мейо, астрономъ Гѳггинсъ, проф. физики Дублинскаго университета

явили себя сторонниками того, истинность чего еще такъ недавно отрицалась ими; другіе политично молчатъ; третьи же, восторженно встрѣчая то, что, подъ другимъ лишь именемъ, подвергалось ими безпощадному глумленію и гоненію, побѣдоносно возвѣщаютъ міру о яко бы новомъ открытіи (иксъ-лучи, напримѣръ), между тѣмъ, какъ это «новое», на самомъ-то дѣлѣ, давнымъ-давно извѣстно, но лишь приверженцамъ «мистическихъ бредней»; и если нынѣ присяжные ученые открываютъ Америку во второй разъ, то причина этому ихъ научный догматизмъ и научное предубѣжденіе, столь часто, къ прискорбію, тормозившее прогрессъ человѣческихъ знаній. Да, несмотря на неоднократные историческіе уроки, мы вновь присутствуемъ при весьма поучительномъ зрѣлищѣ: истины, которыя, поднятыя на смѣхъ, съ позоромъ были выпровожены чрезъ парадныя двери, нынѣ вводятся чрезъ черныя ходы. Гипнотизмъ, телепатія, правдивыя галлюцинаціи—вотъ имена, которыя получаютъ старыя явленія оккультизма при ихъ научномъ крещеніи.

«Мистики, въ общемъ, «нищѣ духомъ», хотя въ ихъ среду и попали такіе выдающіеся ученые, какъ Уоллесъ и Бутлеровъ, но оба эти ученые пользуются славой и уваженіемъ не потому, что они были мистиками, а благодаря своимъ чисто-научнымъ заслугамъ».

Какое невдумчивое сужденіе! Ну, не наивно ли требовать, чтобы вначалѣ же, когда только что забрежжигъ свѣтъ новой истины, не пользующейся еще популярностью въ общественномъ мнѣніи, приверженцы ея пользовались «славой и уваженіемъ», въ качествѣ ея защитниковъ?! Вѣдь, было жъ время, когда и знаменитый итальянскій анатомъ и фیزیологъ д-ръ Гальвани не пользовался

Барретъ, бывший проф. химіи Эдинбургскаго университета Грегори, проф. математики Лондонскаго университета де-Морганъ (извѣстенъ также какъ философъ и историкъ), проф. Кембриджскаго университета Сиджвикъ, проф. физики Ливерпульскаго университета Оливеръ Лоджъ.

Въ *Германіи*: проф. астрономіи и физики Лейпцигскаго университета Цёлльнеръ и коллегъ его Шейбнеръ и Фехнеръ, проф. физики Геттингенскаго университета Веберъ, профессора: Ульрици, Карль-лю-Прель, Эм. Фихте и Фр. Гофманъ.

Во *Франціи*: проф. физиологии медицинскаго факультета въ Парижѣ III. Рише, извѣстный натуралистъ, бывший ассистентъ Пастера, д-ръ Жибье, членъ ученаго комитета министерства просвѣщенія де-Роша, извѣстный астрономъ Фламарионъ, физики Мангольфье и Сененъ и ученый путешественникъ Жаколіо.

Въ *Италіи*: астрономъ Дж. Скиапарелли и извѣстный психіатръ и криминалистъ Ч. Ломброзо.

Въ *Швейцаріи*: деканъ естественнаго факультета Женевскаго университета А. Сабатъе, проф. физики Женевской академіи наукъ Тюри и проф. естествовѣдѣнія Вернскаго университета Перти.

Наконецъ, у насъ, въ *Россіи*: бывший проф. химіи С.-Петербургскаго университета Бутлеровъ, извѣстный ученый и писатель А. Аксаковъ, проф. зоологии С.-Петербургскаго университета Вагнеръ, проф. Харьковскаго университета д-ръ Шилтовъ, бывший проф. философіи Московскаго университета Юркевичъ, извѣстный историкъ М. Погодинъ, извѣстный русскій математикъ Остроградскій, писатель, д-ръ медицины и хирургіи Даль и мн. др.

ни славой, ни уваженіемъ въ качествѣ открывателя новой отрасли ученія объ электричествѣ, а, между тѣмъ, открытіе это стяжало же ему и то, и другое даже въ потомствѣ.

«На меня нападаютъ», говорилъ Гальвани, «двѣ совершенно противоположныя партіи: ученые и неучи. И тѣ и другіе смѣются надо мною, называя меня лягушечьимъ танцовальнымъ учителемъ; тѣмъ не менѣе, я знаю, что я открылъ одну изъ величайшихъ силъ природы».

Припомнимъ судьбу и другихъ великихъ открытій, а также тотъ приемъ, который они встрѣчали среди ученыхъ. Развѣ мемуаръ Франклина о громоотводѣ не вызвалъ въ ученое собраніи Королевскаго Общества взрыва смѣха? Развѣ ученые Парижской Академіи наукъ не отрицали возможности устройства паромовъ и паровозовъ? Не осмѣяли ли они знаменитаго астронома Араго за его электрической телеграфъ? Не высказался ли тотъ же ареопагъ ученыхъ противъ паденія метеоровъ въ своемъ постановленіи, гласившемъ, что, такъ какъ-де на небѣ нѣтъ камней, то и падать они оттуда не могутъ? Не отрицалось ли вліяніе металловъ на организмъ, которое извѣстно теперь въ медицинѣ подъ именемъ металлосконіи и металлотерапіи? Не отвергалась ли свѣтилами медицины теорія кровообращенія Гарвея? А общественные примѣры Коперника и Галилея?.. Удивительно, право, какъ эти и множество другихъ примѣровъ не образумили противниковъ ненавистнаго имъ мистицизма и не отгучили ихъ отъ опрометчиваго сужденія о предметѣ, съ которымъ они, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, знакомы лишь по наслышкѣ.

Для каждаго безпристрастнаго и непредубѣденнаго ума должно быть ясно, что интересъ заключается не въ томъ, что Уоллесъ и Бутлеровъ, въ качествѣ поборниковъ оккультизма, не пользуются «славой и уваженіемъ», ибо обстоятельство это, какъ мы уже выяснили, въ періодъ разсвѣта многихъ истинъ въ порядкѣ вещей, а то, что такіе «выдающіеся» ученые, какъ Уоллесъ и Бутлеровъ (и много другихъ, какъ мы видѣли ранѣе) попали въ среду оккультистовъ, особенно, если принять во вниманіе чисто положительный характеръ тѣхъ наукъ, представителями которыхъ они являются.

Къ этому мы должны присовокупить, что всѣ выдающіеся изъ русскихъ ученыхъ признавали таинственныя явленія, о которыхъ говорится въ нашей книгѣ, и считали возможнымъ и даже необходимымъ изучать ихъ.

Въ 1897 г., 17 декабря, въ засѣданіи русскаго Общества экспериментальной психологіи предсѣдатель его, заслуженный профессоръ Н. П. Вагнеръ, далъ краткій очеркъ о трудахъ Общества въ теченіе пятилѣтняго его существованія (съ 1890 — 1896 гг.). Въ это краткое время Общество успѣло затронуть почти всѣ выдающіеся

вопросы психических явленій и нѣкоторые изъ нихъ разрѣшило въ положительномъ смыслѣ, а именно:

а) Вопросъ о мантевизмѣ (съ котораго Общество начало свою дѣятельность) былъ разрѣшенъ въ засѣданіи, въ которомъ было два представителя двухъ противоположныхъ взглядовъ: Н. О. Фельдманъ (который первый далъ названіе «мантевизма» чтенію или угадыванію мыслей) и С. Е. Кожуховъ, доказавшій опытами, что онъ исполняетъ поставленныя ему задачи безосознательно, т. е. безъ участія какого бы то ни было умственного движенія и догадки.

б) Вопросъ о сомнамбулизмѣ и возможности чтенія закрытыхъ писемъ былъ разрѣшенъ утвердительно г-жей М. и пользовавшимъ ее докторомъ А. Н. Ховринымъ. Опытами руководила особая коммиссія изъ гг. членовъ Общества.

в) Вопросъ о существованіи медиумизма, представляющей такую спорную область, былъ разрѣшенъ также въ утвердительномъ смыслѣ специальной коммиссіей, выбранной изъ членовъ Общества. Эта коммиссія, въ числѣ шести ея членовъ, была свидѣтельницей излученія изъ тѣла медиума свѣтящихся массъ, принимавшихъ форму человѣческихъ рукъ, производившихъ различныя движенія: стуки, передвиженія, бросаніе предметовъ и т. п.

д) Свѣтотыя медиумическія явленія привели Общество къ заключенію, что съ изученія этихъ явленій должно начаться изслѣдованіе свѣтотонесущихъ психическихъ явленій. Въслѣдствіе этого, Общество избрало изъ своей среды коммиссію, которая занялась изученіемъ свѣтотыхъ, такъ называемыхъ, одическихъ явленій, и члену этой коммиссіи С. Е. Кожухову удалось фотографировать свѣтотыя истеченія изъ полюсовъ искусственного магнита.

е) Опыты надъ электрографіей І. А. Паркевича-Юдко привели Общество къ убѣжденію въ необходимости изслѣдовать вліяніе человѣка на свѣченіе гейслеровыхъ трубокъ. При этомъ изысканіи вице-президентъ Общества Ф. Ф. Финнеръ нашелъ возможность полученія свѣтотыхъ явленій съ однимъ проводникомъ, причѣмъ это свѣченіе измѣнялось различнымъ образомъ, что, повидимому, зависѣло отъ функций и вліянія человеческого организма. (См. письмо въ ред. «Нов. вр.»; см. «Ребусъ» 1879 г., № 1).

Идемъ далѣе.

Филаретъ, митрополитъ московскій, этотъ безспорно гениальный духовный писатель, признавалъ въ человѣкѣ способность проникновенія въ будущее въ различной степени. Разъ, спрошенный Антоніемъ (намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры) о зрѣніи безъ пространства, онъ отказался разсуждать объ этомъ: «О зрѣніи безъ пространства разсуждать, вѣроятно, я и не умѣю, и не имѣю свободы разговориться о семъ¹⁾».

¹⁾ См. его письма къ Антонію, № 127.

Но въ другой разъ вотъ что онъ пишетъ намѣстнику, весьма, впрочемъ, секретно: «О Петровой мало я вамъ говорилъ потому, что вамъ ея состояніе не казалось хорошимъ, а мнѣ казалось хорошимъ, хотя и не совершеннымъ, и я не хотѣлъ опираться на свое мнѣніе; но я зналъ о ней не мало примѣчательнаго; съ нею бывало такое состояніе, что она видѣла въ духовномъ мірѣ, сохраняя сознаніе видимаго чувственного міра, и тогда скрывала видимое въ духовномъ мірѣ, но иногда теряла при семъ сознаніе видимаго міра, и ея необыкновенное состояніе могло быть примѣчено. Для сего старались удалять отъ нея постороннихъ, но одна христіанская подруга ея имѣла къ ней всегда безпрепятственный входъ. Такимъ образомъ, однажды, вошедши къ ней, услышала, что она уговариваетъ султана не начинать войны съ Россіей. Это было гораздо ранѣе посольства князя Мещеникова, когда никто не думалъ о войнѣ съ Турціей. Года за два или за три до кончины покойнаго императора она говорила, что жизнь его не продолжится, и что врачъ не безъ вины будетъ. О видѣніи преп. Сергія въ ризницѣ она мнѣ написала записку, сказавъ, что видѣла во снѣ, какъ обыкновенно выражалась, когда открывала нѣчто изъ своихъ видѣній... Въ первое время болѣзни моей матушки она прислала мнѣ просфору, принесенную за ея здравіе съ запиской, въ которой сказала, что это послѣдняя изъ сорока, ежедневно приносимыхъ, и что это ей вѣрно было сдѣлать. Мнѣ примѣтно было, что матушка проходила въ сіе время нѣкоторое душевное состояніе, которому особенно приличествовала молитвенная помощь, которое потомъ перемѣнилось на лучшее. Несомнѣнно вѣрное слово: *пришедшу слову познають пророка* (Іер. XXIII, 9); но при нѣкоторыхъ признакахъ, и прежде исполненія, оставлять безъ вниманія предостерегающее слово едва ли благоразумно. Если слово предостереженія примемъ, какъ посланное, и употребимъ осторожность, то, хотя бы она оказалась ненужною, грѣха и вреда не будетъ; а если оставимъ предостереженіе безъ вниманія, и оно окажется справедливымъ, будетъ и вина и вредъ».

Интересуясь вопросомъ о предсказаніяхъ, намѣстникъ еще разъ вызвалъ Филарета на разсужденіе объ этомъ дарѣ. Вотъ что митрополитъ отвѣчалъ ему: «Вы предлагаете мнѣ вопросъ, на который отвѣчать не дѣло моея малой мѣры: есть ли нынѣ нужда въ пророчествахъ, хотя и частныхъ? И люди великой мѣры возьмутся ли отвѣчать на сіе? Господь, правящій міромъ, вѣдаетъ, нужно ли Ему и нынѣ сіе орудіе, которое онъ употреблялъ нерѣдко прежде. Пророкъ Амось (III гл.) свидѣтельствуется: *«не сотворитъ Господь Богъ дѣла, аще не открьетъ наизнанія Своего рабамъ Своимъ пророкамъ»*. Пророкъ представляетъ какъ бы обычнымъ для Господа, чтобы о всякомъ дѣлѣ, которое Онъ

творить, открывать рабамъ Своимъ пророкамъ. Того, чтобы Господь прекратилъ сей обычай, въ словѣ Божіемъ, сколько знаю, не видно. Пророчества особенно назначены были, чтобы указать пришествіе Христова; они исполнились во время земной жизни Христовой, но не прекратились. Мы могли бы спросить: есть ли нужда предсказывать апостолу Павлу, что его свяжутъ въ Иерусалимѣ, когда онъ на сіе идетъ, хотя бы его удерживали; однако, Агавъ предсказалъ сіе. Скажете ли, что сіе нужно было для того, чтобы къ назиданію явить апостольскую твердость и готовность на страданіе за истину? Вотъ вы и признали, что есть нужда въ пророчествѣ частномъ. Антоній Великій не предсказалъ ли Аванасію Великому конецъ Іуліана Отступника? Феодоръ Освященный не предсказалъ ли ученикамъ мракъ аrianства въ церкви, и потомъ обильный свѣтъ православія? Гдѣ же сему предѣль? О. Серафимъ не предсказалъ ли многое многимъ? Если Господь сіе устрояетъ: то должно думать, что сіе на что-нибудь надобно».

«Всякому, подвизающемуся о своемъ спасеніи, можно и должно сказать: *нѣсть ти потреба тайныхъ* (Сир. III, 22): не ищи знать сокровенное или будущее. Для спасенія нужно вѣровать, исполнять заповѣди, очищать сердце, а не любопытствовать; желать знать сокровенное опасно, а желать открывать оное еще опаснѣе. Но все сіе не препятствуетъ тому, чтобы Провидѣніе Божіе открывало тайное и обращало сіе для своихъ благихъ цѣлей, даже и при несовершенствѣ орудія, какъ можно примѣчать на опытѣ. Разсудите сіе и скажите мнѣ лучше»¹⁾.

Конечно, только этимъ воззрѣніемъ Филарета, что «Провидѣніе Божіе открываетъ тайное и обращаетъ сіе для своихъ благихъ цѣлей, даже и при несовершенствѣ орудія», можно объяснить ту внимательность, какую показалъ онъ, судя по письмамъ къ Антонію, и къ юродивому Филиппу — позднѣе Филарету же²⁾, и къ Ивану Яковлевичу Кореишѣ, о наставленіяхъ котораго онъ не рѣшался произнести своего суда³⁾; и къ есауду Золотареву, прося, чтобы Антоній былъ къ нему милостивъ и споспѣшествовалъ ему въ духовномъ дѣлѣ⁴⁾; и къ Марѣ Герасимовнѣ (Хотьковской), о которой онъ думалъ, что «очень можетъ-быть, что самоумерщвление и очищеніе образовали ей органъ зрѣнія лучше искусственныхъ орудій дальнорзрѣнія⁵⁾, и къ о. Петру, о которомъ Филаретъ нарочито спрашивалъ преосвященнаго Евгенія Ярославскаго⁶⁾. (См. ст.: «Митрополитъ Филаретъ въ его отношеніяхъ къ міру таинственныхъ явленій», помѣщенную въ

«Душеп. чт.» 1883 г., ч. II, стр. 21 — 23; 25 — 27).

И другіе русскіе ученые и писатели не считали недостойнымъ себя заниматься, такъ называемыми, *мистическими вопросами*. Такъ, покойный извѣстный нашъ философъ Ѳ. А. Голубинскій заявлялъ еще въ 50-хъ годахъ съ своей кафедры въ Московской Духовной Академіи о существенной важности для психологіи подобныхъ же изслѣдованій, какія ставить себѣ цѣлью современный оккультизмъ.

Вотъ что, между прочимъ, онъ говорил по этому поводу въ одной своей лекціи по умозрительному богословію¹⁾:

«Общій законъ для всѣхъ способностей нашихъ—усовершенность, потребность расширяться, возрастать, или увеличиваться въ силѣ безъ конца. А какова жизнь, таково и знаніе о ней; по мѣрѣ раскрытія жизни расширяется и самосознаніе. Такъ, изъ исторіи психологіи видно, что младенцующіе народы первоначально имѣли очень скудные понятія о душевныхъ силахъ человѣка; въ языкѣ не было словъ для выраженія и опредѣленія многихъ дѣйствій и состояній душевныхъ; по мѣрѣ же возрастанія и выраженія жизни чрезъ мысли и поступки, чрезъ дѣятельность фантазіи въ изящныхъ искусствахъ, человѣкъ раскрывалъ новыя и новыя стороны души своей, а если и тѣ же, то въ новыхъ проявленіяхъ и, такимъ образомъ, время отъ времени, болѣе и болѣе познавалъ себя. Потому и психологія, съ теченіемъ времени, расширялась, и кто положить предѣль ей развитію? За сто, напримеръ, лѣтъ философы назвали бы баснею, что человѣкъ, въ состояніи особенномъ, но естественномъ, можетъ видѣть отдаленное отъ него пространство и предчувствовать нѣчто будущее. Опыты сего рода были и прежде, но философы почему-то не хотѣли принять ихъ во вниманіе, довольствуясь только общезвѣстными всѣмъ, неоспоримыми проявленіями силъ души человеческой. Опыты же послѣдующаго времени открыли въ ней дальнорзрѣніе, предвидѣніе будущаго не изъ свѣта Божественнаго всевѣдѣнія, а только въ особенныхъ состояніяхъ естественныхъ, въ какихъ бывають ясновидяціе. Такъ человѣкъ болѣе и болѣе узнаетъ самого себя въ своихъ существенныхъ силахъ. Но можно ли сказать, что для него полное знаніе себя закончится когда-нибудь, положимъ, при концѣ міра, когда всѣ наблюденія надъ дѣйствіями души человеческой будутъ собраны въ одно? Можно ли сказать, что-бы и тогда, этою совокупностію наблюденій, можно было измѣрить и ограничить будущее раскрытіе самосознанія человѣческаго?»

И въ самое послѣднее время извѣстные ученые признають такія явленія въ области психизма,

¹⁾ См. письма къ Антонію, № 916.

²⁾ Ib., №№ 790, 800, 801, 859.

³⁾ См. письма къ Антонію, №№ 293, 408, 748.

⁴⁾ Ib., №№ 75, 907.

⁵⁾ Ib., №№ 365, 604.

⁶⁾ Ib., №№ 1056, 1065.

¹⁾ Лекціи по умозрительному богословію прот. Ѳ. А. Голубинскаго, М. 1868 г.

которыя прежде не только отрицались, но даже были предметами глумленія многихъ, считавшихъ ихъ проявленіемъ фокусничества и шарлатанства. Такъ журналъ «Die Uebersinnliche Welt» сообщаетъ, что 12 и 16 января 1896 года проф. Охоровичъ прочелъ въ Варшавѣ двѣ публичныя лекціи передъ многочисленнымъ избраннымъ обществомъ о медиумизмѣ, о его сущности, о его научномъ значеніи и о его будущности. Это первый разъ, — говоритъ журналъ, — когда въ Варшавѣ о такомъ непопулярномъ предметѣ произносятся рѣчи съ кафедръ. Проф. Охоровичъ говоритъ, что медиумизмъ фактически существуетъ вопреки всякимъ отрицаніямъ; онъ не находится въ противорѣчій съ природою. Въ заключеніе г. Охоровичъ развилъ свою собственную теорію медиумическихъ явленій, которыя онъ объясняетъ раздвоеніемъ организма медиума. То, что выдѣляется изъ матеріальнаго тѣла, онъ называетъ «динамическимъ организмомъ» (по оккультизму — астральнымъ) и вѣритъ, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ этого динамическаго тѣла, по всей вѣроятности, окажется возможнымъ разъяснить многое изъ того, что остается пока темнымъ въ современной психологіи, и что наши понятія, въ особености о матеріи и силѣ, должны будутъ подвергнуться большимъ измѣненіямъ. («Die Uebersinnliche Welt»; см. «Ребусъ» 1896 г., № 9).

Мы предвидимъ, что насъ упрекнутъ нѣкоторые за то, что мы помѣстили не мало разказовъ о явленіяхъ душъ умершихъ людей. Но мы твердо увѣрены въ томъ, что допущеніе этого рода явленій отнюдь не стоитъ въ какомъ-либо противорѣчій ни съ ученіемъ слова Божія, ни съ ученіемъ святыхъ отцовъ и учителей церкви, ни съ здравымъ смысломъ.

Возможность явленія умершихъ признавали согласно съ словомъ Божиимъ все наши богословы. Извѣстный православный богословъ, епископъ Теофанъ, на примѣръ, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ твореній св. Василія Великаго: *«душевная сила двояка, хотя душа одна и та же; именно же одна — собственно жизненная сила тѣла, а другая — сила созерцающая, которую называютъ также разумною... Но душа, поелику соединена съ тѣломъ естественно, вслѣдствіе сего соединенія, а не произвольно, сообщаетъ тѣлу жизненную силу. Ибо какъ солнцу возсіявшему невозможно не освѣщать то, на что простерло лучи, такъ невозможно душѣ не оживать тѣла, въ которомъ пребываетъ. А сила созерцательная приводится въ движеніе по произволу»*. Мѣсто это изъ твореній св. Василія Великаго отнимаетъ (говоритъ преосвященный Теофанъ) всякій предлогъ не только къ тому, чтобы душу считать тѣломъ, но и къ тому, чтобы придумывать какое-либо посредство для связи души съ тѣломъ въ нѣкоей тонкой оболочкѣ души. Вѣдь душа есть дѣйствительная,

живая сила, хотя и умная, чисто духовная: своею бытовою, такъ сказать, физическою стороною она устрояетъ тѣло, оживаетъ его, движетъ и дѣйствуетъ чрезъ него, а другою стороною, выходящею, въ то же время сознаетъ себя, свободно дѣйствуетъ, созерцаетъ пренебесное, размышляетъ о земномъ и стремится къ Божественному и вѣчному. Изъ этого выводится еще и то заключеніе, что если душѣ свойственна сила дѣйствовать на вещественное, пока она въ тѣлѣ, то нѣтъ основанія представлять ее не имѣющей этой силы, когда она разлучится съ тѣломъ, и что какъ ангеламъ свойственна естественная сила дѣйствовать на вещественныя стихіи, такъ свойственна такая же сила и душамъ отшедшихъ и что, слѣдовательно, когда отшедшіе изъ сей жизни являются, — для объясненія этого нѣтъ нужды предполагать, что они суть тѣло, а достаточно убѣдиться, что душѣ естественно свойственна сила дѣйствовать на стихіи, которыя она можетъ привлекать къ себѣ и отрывать отъ себя, когда требуется. Помнится мнѣ, что эта мысль пространно изложена у Григорія Нискаго, въ разговорѣ о душѣ и воскресеніи. (Еп. Теофанъ: «Душа и ангелъ», М. 1891 г., стр. 53 — 54).

Что явленія умершихъ живымъ возможны и бывали, этого не отрицаетъ само Божественное Откровеніе. Изъ священнаго Писанія видно, что іудеи не сомнѣвались въ возможности явленій умершихъ. У современныхъ Спасителю іудеевъ вѣра въ эти явленія была всеобщою вѣрою. Иисусъ Христосъ предполагалъ ее уже, какъ несомнѣнную, и никогда не говорилъ ничего такого, изъ чего бы можно было заключить, что Онъ не одобрялъ или осуждалъ эту вѣру.

Апостолы не сомнѣвались въ возможности и дѣйствительности явленій духовъ: увидѣвши Спасителя, идущаго къ нимъ по водамъ озера Геннисаретскаго, они думали сначала, что видятъ духа (Матѣ. XIV, 26). Евангельскій богачъ, находясь въ адскихъ мученіяхъ, проситъ Авраама послать на землю Лазаря, чтобы тотъ предостерегъ его братьевъ отъ опасности подвергнуться тому ужасному состоянію, какое онъ самъ испытывалъ. Слѣдовательно, онъ не сомнѣвался, что души умершихъ могутъ возвращаться въ міръ, по волѣ Божіей, и являться людямъ. Во время Преображенія Иисуса Христа на Ѡаворѣ, явились Моисей и Ілія, давно передъ тѣмъ отшедшіе въ загробный міръ, и бесѣдовали со Христомъ (Матѣ. XVII, 3). По воскресеніи Спасителя, многіе умершіе возстали и явились въ Іерусалимѣ (Матѣ. XXVII, 52—53).

Блаженный Августинъ, говоря о явленіи умершихъ, сознается, что очень трудно найти объясненіе для многого, происходящаго въ нашей душѣ, какъ въ бодрственномъ, такъ и въ сонномъ состояніи. Но тотъ же Августинъ признаетъ, что часто умершіе являлись живымъ людямъ, указывали имъ мѣста, гдѣ были зарыты ихъ тѣла

безъ должнаго погребенія, и просили для себя такового погребенія. При этомъ онъ замѣчаетъ, что часто въ храмахъ, въ которыхъ были похоронены умершіе, слышенъ бываетъ шумъ и раздается пѣніе, и что часто видѣли, какъ мертвые входили въ дома, въ которыхъ они жили на землѣ (Августинъ гл. 10).

Св. отцы и учителя церкви не сомнѣвались въ явленіи умершихъ, и не только утверждали эту истину, но сами, такъ сказать, подчинялись видѣніямъ, исполняя то, что требовали отъ нихъ являвшіеся умершіе. Такъ, когда св. Иоанну Златоусту явился въ городѣ Команахъ епископъ Василискъ, за сто лѣтъ до того умершій, и сказалъ: «мужайся, братъ Іоаннъ, завтра мы будемъ вмѣстѣ», — святитель повѣрилъ этому видѣнію, и просилъ стражу на другой день не вести его дальше (это было въ то время, когда его отправляли въ заточеніе), одѣлъ на себя чистыя одежды, приобщился св. Таинъ, и дѣйствительно, какъ было ему сказано, скончался.

Здѣсь не излишне также припомнить и исторію установленія праздника тремъ святителямъ, которые, явившись послѣ смерти, объявили одному епископу, что вѣрующіе должны прекратить споры объ ихъ достоинствѣ и установить одинъ день въ память ихъ, такъ какъ они передъ Богомъ равны по заслугамъ.

Пастыри нашей православной церкви не только сами всегда вѣрили, что явленія умершихъ возможны и дѣйствительны, но учили своихъ пасомыхъ не отвергать этой истины. Такъ московскій митрополитъ Филаретъ въ одномъ изъ поученій говоритъ: «явленія изъ духовнаго міра неизяснимы, но неопровержимы», и самъ онъ не только не усомнился въ фактѣ, когда явился умершій отецъ его, который открылъ ему день смерти, но сталъ приготовляться къ отшествію въ загробный міръ («Душеп. чт.» 1876 г., ч. I-я). А равно тотъ же святитель, когда увидѣлъ во снѣ умершихъ, которые ходатайствовали передъ нимъ за одного священника, не только не отнесъ это къ ассоціаціи идей, но уважилъ просьбу явившихся покойниковъ («Странникъ» 1852 г., май).

Величайшій изъ церковныхъ ораторовъ и ученѣйшій мужъ своего времени, Иннокентій, архіепископъ херсонскій и тавричскій, говоритъ: «изъ древнихъ сказаній видно, что вѣра въ безсмертіе души постоянно соединялась съ вѣрою въ явленіе умершихъ. Сказанія о семъ безчисленны... Есть явленія умершихъ или ихъ дѣйствія, кои не подлежатъ сомнѣнію, хотя они рѣдки». (См. Соч. Иннокентія, т. VII).

Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, человѣкъ великаго ума, извѣстный философъ, богословъ и проповѣдникъ, говоря въ одномъ изъ своихъ поученій о загробной жизни и передавъ два случая явленія умершихъ живымъ, утверждаетъ: «такихъ фактовъ можно было бы считать не мало, и они имѣютъ полное значеніе

достоверности для лицъ, которыя о нихъ сообщаютъ, для лицъ совершенно достопочтенныхъ и заслуживающихъ вѣры... Факты достоверны, дѣйствительны, возможны».

Многіе изъ ученыхъ и писателей иностранныхъ и нашихъ отечественныхъ не только сами вѣрятъ въ явленія умершихъ и рассказываютъ необыкновенные случаи изъ собственной жизни, но убѣждаютъ другихъ не сомнѣваться въ этомъ. Такъ, аббатъ Августинъ Калметъ, жившій во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія, извѣстный въ свое время, какъ историческій писатель и какъ толкователь свящ. Писанія, пишетъ: «отвергать возможность и дѣйствительность явленій и дѣйствій отшедшихъ душъ на томъ одномъ основаніи, что они необъяснимы по законамъ земнаго міра, такъ же совершенно незаконно, какъ незаконно было бы отвергать возможность и дѣйствительность явленій физиологическихъ на томъ основаніи, что они необъяснимы по однимъ законамъ чисто механическихъ явленій» («О явленіи духовъ» — Калмета, ч. I-я, стр. 115).

Англійскіе физики Бальфуръ-Стюартъ и Тэта въ книгѣ: «Невидимый міръ», между прочимъ, говорятъ: «мы признаемъ за истину, что невидимый міръ не есть ничто абсолютно отличное отъ видимой вселенной и абсолютно разъединенное съ ней, какъ часто высказывалось въ наукѣ, а, напротивъ, есть міръ, который находится въ тѣсной связи съ настоящимъ».

Эта всеобщая вѣра ученыхъ и неученыхъ, представителей религіи и вѣрующихъ, а, главное, свѣдѣтельства Свящ. Писанія и отцовъ церкви служатъ ручательствомъ за дѣйствительность явленій умершихъ живымъ. Рассказы объ этихъ явленіяхъ такъ всеобщі и многочисленны, что считать ихъ за вымыселъ было бы очевидно нелѣпостью. Не менѣе странно было бы утверждать, что всѣ разсказчики — люди сумасшедшіе или больные.

Что касается вопроса, въ какихъ тѣлахъ являлись умершіе, то Божественное Откровеніе ничего не говоритъ объ этомъ, а разумъ нашъ даже приблизительно не въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ. Нѣкоторые учителя церкви имѣли, однако, то мнѣніе, что души и по разлученіи съ тѣломъ сохраняютъ нѣкоторую матеріальную оболочку, потому что одинъ только Богъ безтѣлесенъ (См. подробнѣе въ брош. «Изъ загроб. міра» свящ. Д. Булгаковского, изд. 1897 г.). Мнѣніе Теофана затворника, выше нами приведенное, можетъ дать руководящую нить къ рѣшенію только что затронутаго вопроса. Изъ него видно, что не предстоитъ надобности прибѣгать къ гипотезѣ о нѣкоторой матеріальности человѣческихъ душъ.

IV. Для кого мы назначаемъ свою книгу?

Мы посвящаемъ свой трудъ тѣмъ людямъ, которые въ погонѣ за житейскою суетою и призраками земныхъ утѣхъ и удовольствій очень часто забываютъ, что ихъ ожидаетъ за гробомъ другая, несравненно лучшая жизнь, жизнь безко-

ничная;—тѣмъ, кто дальше матеріи и земной жизни ничего не хочетъ видѣть и признавать;—тѣмъ несчастнымъ, которые въ бурномъ плаваніи по житейскому морю, изнывая подъ бременемъ лишений и житейскихъ невзгодъ, болѣзней, огорченій и всякаго рода тѣлесныхъ и духовныхъ скорбей, падаютъ въ неравной борьбѣ за существованіе, съ воплемъ отчаянія и ропота на Промыслъ Божій; цѣль составителя этой книги будетъ достигнута, если ему удастся согрѣть живительнымъ свѣтомъ вѣры хотя одно человѣческое существо, колеблемое духомъ невѣрія, успокоить и ободрить надеждою на лучшее будущее за гробомъ хотя одно человѣческое сердце, испытывающее страданія, скорби и разочарованіе, сохранить хотя одного человѣка отъ гибельнаго пессимизма и отчаянія, иногда оканчивающагося даже самоубійствомъ,—вдохновить хотя одного никѣмъ не признаннаго и всѣми оставленнаго истиннаго труженика мысли и борца за правду Божию, совѣсть, честь, высокое достоинство человѣка;—побудить хотя одно человѣческое сердце къ подвигамъ св. милосердія и любви, никогда не умирающей, но сторицею вознаграждающей того, кто ей служитъ, кто за нее отдаетъ душу свою, по заповѣди Христа Спасителя міра;—устрашить вѣчными мученіями въ жизни посмертной, несомнѣнно существующей, хотя одного злодѣя, забывшаго стыдъ, совѣсть, страхъ Божій и чувство жалости къ себѣ подобнымъ¹⁾.

Думаемъ, что, издавая свою книгу, мы идемъ навстрѣчу совершающейся перемѣнѣ въ настроеніи общества, готовящагося вступить въ XX вѣкъ своей эры, — перемѣнѣ, которую внимательный наблюдатель замѣтитъ во всѣхъ областяхъ жизни:

¹⁾ Теперь о проявленіяхъ религіознаго чувства приходятъ слышать рѣже, за то не прекращаются рассказы противоположнаго характера. Еще недавно авторъ «Сахалинскихъ очерковъ» слѣдующими красками обрисовалъ настроеніе каторжниковъ:

«Помолиться Богу въ тюрьмѣ такъ же стыдно, какъ вообще заняться какими-нибудь пустяками, недостойными взрослого человѣка. Сахалинскіе священники въ одинъ голосъ жалуется на отсутствіе религіозныхъ чувствъ у каторги. Къ исповѣди и святому причастію приходится чуть не силой гонять—не желаютъ. Въ Д—скую каторжную богадѣльню священникъ даже на Пасху не пошелъ: изъ-за шутокъ, изъ-за озорства. Со святою водой приходишь,—а они нарочно самыя что ни на есть мерзкія озорства выдѣлываютъ».

Далѣе идетъ глубокозамутительный разсказъ священника на посту Александровскомъ о поведеніи одного изъ трехъ арестантовъ, приговоренныхъ къ повѣшенію, которыхъ онъ готовилъ къ смерти:

«Все о будущей жизни бесѣдовали. Это съ двоими, а третій, старикъ, тотъ все надъ ними хохоталъ и ругался. «Спать только мѣшаеге». Мы запоемъ—а онъ: «веселенькое бы что спѣли!» И такъ кощунствовалъ передъ лицомъ смерти, такъ кощунствовалъ! Нераскаянный померъ».

А этотъ старикъ былъ простой русскій крестьянинъ.

Возрастаніе преступности идетъ рядомъ съ упадкомъ религіознаго чувства. Нельзя не задуматься надъ опубликованными недавно Министерствомъ Юстиціи цифрами въ «Итогахъ русской уголовной статистики за 20 лѣтъ». На 100 дѣлъ о религіоз-

въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, религіи и политикѣ. Въ наукѣ она проясняется въ усилившемся стремленіи къ синтезу, обобщеніи градіи ознаго фактическаго матеріала, а также въ примиреніи съ философійю, для болѣе успѣшнаго изслѣдованія основныхъ, важнѣйшихъ вопросовъ бытія. Въ литературѣ означенная перемѣна обнаруживается въ усиливающемся пренебреженіи къ внѣшней формѣ, мучительномъ стремленіи къ психологическому анализу, страстномъ исканіи правды въ индивидуальной и общественной жизни и, наконецъ, даже въ смѣшной формѣ декадентства и символизма.

Въ сферѣ религіи тотъ же культурный кризисъ сказывается въ пробужденіи заглушеннаго религіознаго чувства. Не находя удовлетворенія этому чувству въ матеріалистическомъ міровоззрѣніи и не имѣя возможности создать новыя, цѣльныя религіозныя представленія, общество жаждетъ вѣры, и мало-по-малу обращается къ религіи, унаслѣдованной отъ предковъ.

Въ области политики, взаимныхъ отношеній народовъ, то же самое настроеніе даетъ себя чувствовать въ замѣтномъ ослабленіи новинизма и пробужденіи заглушеннаго альтруистическаго чувства. Народы, правда, все еще стоятъ грозно вооруженные, готовые ринуться другъ на друга по первому сигналу своихъ вождей, но въ сердцахъ людей нѣтъ уже прежней злобы, воинственскіе людскія не вызываютъ болѣе бурныхъ восторговъ, и въ сознаніи массъ все глубже и глубже проникаетъ альтруистическая идея мира и общечеловѣческаго братства. (Вспомнимъ Гаагскую конференцію).

нихъ преступленій, возникшихъ въ пятилѣтіе съ 1874 по 1878 годъ, въ 1894 году приходилось уже 365 дѣлъ, т. е. въ 20 лѣтъ число ихъ возросло болѣе чѣмъ въ 3¹/₂ раза.

Но не одни, такъ-называемыя, религіозныя преступления могутъ служить мѣриломъ упадка вѣры въ народѣ. Ни одно изъ преступленій не усилилось за то же время до такой степени, какъ лжеприсяга и лжевѣдѣтельство. За тотъ же періодъ времени число возникающихъ дѣлъ по этимъ преступленіямъ возросло со 100 до 519! А забвеніе святости присяги не менѣе краснорѣчиво можетъ свидѣтельствовать объ упадкѣ религіознаго чувства.

Подобные факты указываютъ, что нужны общія мѣры для поддержанія религіознаго чувства населенія. Точно также очевидно, что необходимо усилить религіозное воздѣйствіе на тѣхъ несчастныхъ, которыхъ грѣхъ и преступленіе уже довели до тюрьмы.

Никогда не говорилось у насъ такъ много объ исправленіи преступниковъ, какъ говорится теперь. Мы уже не довольствуемся тѣмъ, чтобы выбросить преступника изъ общества и спрятать его въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ, на каторгѣ. Мы хотимъ исправить его и вернуть обществу честнаго, полезнаго и трудолюбиваго человѣка. Теперь все чаще и чаще приходится слышать о заботахъ поднять умственный уровень арестантовъ, объ устраиваемыхъ для нихъ въ разныхъ городахъ чтеніяхъ съ туманными картинками; но гораздо менѣе приходится слышать о заботахъ поднять религіозное чувство заключенныхъ. Какъ будто возможно исправленіе ихъ безъ этого чувства, на почвѣ какой-то отвлеченной морали!